

— Ещё раз извините меня, мистер Джордан Тёрлоу, — во второй раз инспектор Гэлбрайт прервал заключенного, — но с этого момента я хотел бы, чтобы вы излагали только основные моменты вашей истории, касающейся Делии Йонс и её семьи.

— Ладно, как хотите, — согласился Джо, — честно говоря, я устал языком трепать.

В общем, как только Делия однажды побывала в доме своего соседа, Джордана Тёрлоу, то она стала его частой гостьей. Последнюю треть лета и весь сентябрь она, с матерью или без, навещала Джо по любому поводу, явно наслаждаясь каждой минутой своих визитов. Чего только они не делали... По сути, она просто вела душевные беседы с хозяином дома, который умел её слушать, и часто сидел рядом с ней, когда читал ей вслух книги из своей библиотеки. Кроме того, они иногда проводили время на кухне, где Делия помогала Джо (и матери, в тех случаях, когда она удостаивала этот дом своим визитом) готовить по рецептам, которые сам хозяин дома спрашивал по телефону у своего друга и коллеги Джафета.

Можно было уверенно утверждать, что мистер Тёрлоу был в хороших отношениях с самой миссис Иветтой Йонс, поскольку они хорошо ладили и многое рассказывали друг другу. Довольно скоро Джо точно узнал, как познакомились его новые соседи. Как рассказала ему Иветта, она, будучи дочерью фермера (который в свое время переехал из Авейры, Португалия, в Нью-Йорк), в двадцать два года вышла замуж за своего друга по колледжу, но, увы, её первый брак был несчастлив — мистер Синадер был её ровесником и отличался крайне капризным и придиричивым характером. Будучи замужем за ним, Иветта постоянно слышала от него навязчивые просьбы, чтобы она отбросила все романтические иллюзии и как можно быстрее родила ему наследника. На подобные высказывания тогдашняя миссис Синадер неизменно отвечала мужу, что решение рожать — это в первую очередь инициатива женщины, и если уж её муж действительно хочет иметь ребенка, то пускай он сначала посвятит себя более серьезным занятиям, чем гольф в компании пьяных дружков.

Но эта была не единственная проблема в её первом браке — дело в том, что у Иветты были проблемы с беременностью, поскольку за два года, которые она провела в браке с мистером Синадером, у неё случилось целых два выкидыша. Понятное дело, что инциденты подобного рода также не шли на пользу их союзу. В конце концов всё закончилось тем, что мистер Синадер развелся с Иветтой, что поставило саму женщину в очень невыгодное положение — фактически, ей некуда было идти, поскольку её суровый отец-фермер не хотел давать дом взрослой женщине, которая уже давно была самостоятельным человеком в полном смысле этого слова.

С горя Иветта отправилась в некий санаторий в Вероне, где познакомилась со своим (тогда ещё будущим) вторым мужем — мистером по фамилии Йонс, который лечил там свои бронхи. Они взаимно влюбились друг в друга с первого взгляда, впервые встретившись в зале у фонтана. Тот факт, что он был на двадцать лет старше её, не был помехой. На следующий день, когда наступил обеденный перерыв, фармацевт сел рядом с Иветтой, когда она в одиночестве сидела за столом и скучала. Поговорив о жизни, они вдвоем отправились во фруктовый сад того санатория, где Иветта дала мистеру Йонсу яблоко, которое он, взяв у нее из рук, начал было есть, но тут же бросил на землю, потому что оно оказалось червивым. Воспользовавшись замешательством мужчины, женщина бросилась к нему и поцеловала его прямо там, под деревом, после чего выбежала из сада, тем самым давая фармацевту понять, что дальнейшие действия ему нужно будет предпринять самому. И мистер Йонс не ударил в грязь лицом — когда на следующий день в санатории были танцы, он пригласил Иветту на танго, и после нескольких кругов они стали заказывать алкогольные коктейли. В итоге это вылилось в то, что, находясь в подвыпившем состоянии, женщина решила отвести фармацевта в свою комнату, где без лишних прелюдий они сразу же повалились на кровать и дали волю своим чувствам...

На следующее утро, проснувшись в постели Иветты, мистер Йонс в пылу любви признался ей о том, что хочет немедленно уехать с ней из санатория, дабы они могли жить вместе, на что женщина согласилась без лишних слов. Однако фармацевт не спешил брать её в жены — сначала они долгое время жили в его квартире в Нью-Йорке на правах соседей по комнате. Когда её возлюбленный пропадал на работе, Иветта, от нечего делать, читала книги, которые тот держал у себя дома. На неё произвела впечатление работа некоего Б. Таггерта, которая, по сути, и дала будущей матери представление о том, как назвать своего ребёнка.

Иветта довольно быстро узнала, что у неё родится девочка — ультразвуковое исследование, которое она сделала через два месяца после встречи с фармацевтом, показало, что ночь, проведенная в том самом санатории в Вероне, была не напрасной. Из чувства женского кокетства она решила поиграть со своим возлюбленным в игру «Угадай, как я назову нашего ребёнка», но после тщетных попыток фармацевта Иветта раскрыла все карты заранее, признавшись ему в том, что свою дочь она назовёт не иначе как Делией, потому что, согласно прочитанной ею книге Б. Таггерта, это имя означает «неисчезаемая», что принесет удачу их наследнице. Иветта помнила, что, когда мистер Йонс услышал это утверждение из её уст, он несколько дней ходил в глубоком замешательстве, причину которого он так и не раскрыл своей супруге. Когда Джордан Тёрлоу, которому Иветта рассказывала всю эту историю, услышал это от неё, он подумал о том, что, по-видимому, дело было в том, что фармацевт всегда мечтал о сыне, а не о дочери, но Джо решил ничего не говорить своей собеседнице о своих догадках.

Как бы то ни было, именно факт зачатия Делии стал толчком к дальнейшему сближению Иветты и мистера Йонса — за десять дней до рождения наследницы последний позаботился о получении свидетельства о браке, и когда девочка наконец появилась на свет (а произошло это утром), фармацевт, выйдя с женой из роддома, сразу же отвез счастливую молодую маму к своему близкому другу, где прибывший туда специальный человек провел церемонию регистрации брака, после которой молодожены (разного возраста) начали жить счастливой семейной жизнью.

Иветта в своём рассказе о прошлом своей семьи не стала объяснять Джордану, почему по прошествии восьми лет они в полном составе решили переехать из Нью-Йорка в Портленд. Однако Джо, основываясь на ее намеках, сделал предположение, что за этим стояло нечто более серьезное, чем жалобы малышки на жизнь в маленькой квартире. Но, как бы то ни было, мистер Тёрлоу решил не сильно углубляться в эту тему.

Не стоит думать, что он разговаривал исключительно лишь с самой миссис Йонс. Ему также было очень интересно общаться с её маленькой дочерью. Им было так хорошо друг с другом, что когда Джордану приходилось ездить в центр по работе — обычно на пять дней, но иногда и на неделю, — то состояние души юной наследницы семьи Йонс сразу же ухудшалось, и малышка впадала в состояние, которое можно было приблизительно описать как смесь скуки и грусти (назвать это депрессией было бы слишком сильным словом). В такие моменты Делия, казалось, замыкалась в себе и ничто не доставляло ей удовольствия. На попытки родителей рассмешить её девочка отвечала только взглядом, в котором чувствовался определенный упрек. Даже обычная любовь малышки к сладостям угасала в такие моменты, и что бы ей ни предлагали — мороженое, пирожное или фрукты, — Делия, не говоря ни слова, отодвигала тарелки или уклонялась от услужливо протянутых к ней рук...

Только школа, которая начиналась в сентябре, стала приносить ей радость и удовольствие в те моменты, когда её соседа не было дома — видимо, это было связано с тем, что начальная школа, в которой она училась, находилась в том же районе, где работал мистер Тёрлоу. Не подумайте только, что в такие моменты они пересекались друг с другом — нет, по понятным причинам они просто занимались своими обычными делами, что было по обоюдному согласию

— ибо ни Джо не ходил к ней в школу, ни сама Делия не сбегала к нему с занятий. Можно было бы сказать, что некие поля волн, исходящих от них, просто-напросто пересекались в этом месте.

Что касается школьных походов юной наследницы семьи Йонс, то стоит сказать, что Делия, вопреки подозрениям Джордана, вовсе не была хулиганкой — у девочки, конечно, хватало мужества постоять за себя в некоторые моменты, но сама она никогда не ввязывалась в драку и ей никогда — вы понимаете? — никогда не приходило в голову запугивать своих сверстников. Случалось конечно, что, став свидетельницей травли, девочка сразу же вставала на защиту жертвы, и бывало даже, что хулиганы позже просили у неё прощения за свои недостойные поступки, но никто из тех, кто её знал, не мог описать её как невоспитанную негодницу.

У неё было не так уж много друзей — если бы Делию спросили, с кем она дружила между своими одноклассниками, то она, немного подумав, выделила бы двух девочек, дочерей людей, которые работали с её отцом. Обе её подруги были на полгода старше её самой, и по натуре они были несколько высокомерными отличницами, которые ставили себя немного выше самой Делии. Сначала юная наследница семьи Йонс даже не обращала на них особого внимания, но когда она однажды увидела, как мальчик из параллельного класса обозвал их нехорошими словами, Делия сделала ему выговор, чем невольно вызвала уважение со стороны этих двух девочек (скорее всего, им просто было выгодно иметь в качестве подруги такую личность, которая бы их защищала).

Ну а если бы кому-нибудь пришла в голову мысль спросить Делию о том, к кому она испытывает тёплые чувства, то она, покраснев, указала бы пальцем на мальчика с золотистыми вьющимися волосами, который неизменно садился как можно ближе к учительскому столу. Этим мальчиком был тот самый Джерри, урожденный Джером, сын Тейлора Майрона, одного из богатейших брокеров в Портленде. Родители этого мальчика решили определить своего сына в школу, в которую они сами ходили в детстве, хотя с точки зрения статуса ему было бы более уместно учиться в заведении с куда более высокой репутацией, но что он мог поделать, воля его родителей непреклонна...

В этой школе Джерри Майрон чувствовал себя в роли принца, переодетого нищим — он свысока смотрел на своих одноклассников и старался держаться от них всех подальше, а когда другие мальчики пытались предложить ему свою дружбу, он морщил нос и окидывал их высокомерным взглядом. Неудивительно, что из-за такого поведения Джерри часто становился причиной драк в классе, когда самые хулиганистые мальчишки уставали от этого незапятнанного златокудрого ангелочка и пытались выместить на нём свою детскую злость. Пытались — потому что юная наследница семьи Йонс, которая, как уже было известно, всегда заступалась за слабых, с самого первого дня взяла Джерри под свою, скажем так, опеку. Правда, в те дни, когда она отсутствовала на занятиях по семейным обстоятельствам, то хулиганы, учившиеся в её классе, казалось, срывались с цепи и, стараясь не попадаться на глаза учителям, избивали её любовный интерес на переменах...

В общем, не было бы ошибкой сказать, что Джером Майрон, который в школе был прямой мишенью для чужих оскорблений, был дорог для Делии. Она не могла сказать, за какие такие качества влюбилась в него, но, как бы то ни было, ей всегда было приятно осознавать, что она может быть полезна этому золотоволосому мальчику. Большинство её мыслей, связанных со школой, тесно пересекались с личностью Джерри. Его имя было для неё чем-то сокровенным, и всякий раз, когда ей приходилось говорить о том, кто он такой, её щечки покрывались румянцем, а её дыхание становилось прерывистым.

К величайшему сожалению, это чувство было далеко не взаимным — виновник её любовных терзаний был, как помягче выразиться, не в особом восторге от этого. Джерри, конечно, не ссорился с девочкой, которая защищала его от нападок других мальчиков, но и отвечать ей взаимностью он вовсе не горел желанием — связано это было с тем, что лично ему гораздо больше нравилась другая девочка, которая училась в том же классе, некая Тесси Парилло — дочь книготорговца. То была высокая блондинка, которая, как и сам Джерри, имела плохую привычку презирать других, ввиду чего держалась особняком от всех остальных.

На самом деле, именно из-за такого характера своей страсти мальчик не мог с ней завязать каких-либо отношений — это было так же тщетно, как попытаться подружиться со своим отражением в зеркале. И поэтому маленький Майрон, втайне вздыхая по юной леди Парилло, дружил с этой темноволосой девочкой, лицо которой в его сознании почему-то вызывало у него ассоциацию с собачкой породы чихуахуа. Нет, Джерри никогда бы не сказал ничего подобного вслух — как в разговоре со всеми остальными, так и с самой молодой наследницей семьи Йонс, — но по его глазам было件нятно, что он чуть ли не насильно терпит эту девочку, от которой он имел только одну пользу — защиту от хулиганов.

Как бы то ни было, Делия была по уши влюблена в этого мальчика и пользовалась любой возможностью, чтобы пересечься с сыном брокера. Например, однажды она со своим отцом зашла в продуктовый магазин, где, по счастливому стечению обстоятельств, был и сам Джерри вместе с матерью, Мириам Майрон. Увидев мальчика, Делия тут же от радости бросилась к нему и, взяв Джерри за руку, сказала ему, что хочет пойти с ним в «Волшебную лавку». К счастью для неё, юный Майрон не стал ей сопротивляться, и дети вышли из магазина, провожаемые удивленными взглядами своих родителей. Делия привела его в вышеупомянутое место, где их встретил старик, который чем-то напоминал девочке Эйнштейна, разве что без усов, который был одет в белую рубашку и чёрный кожаный жилет. Старику было что показать своим маленьким посетителям — сначала дети смотрели на маленьких игрушечных животных, которые танцевали тарантеллу, а затем владелец волшебной лавки показал им стол, по которому сам по себе катался игрушечный поезд.

Делия и Джером стояли плечом к плечу, широко раскрытыми глазами глядя на чудеса «Волшебной лавки». Когда самодвижущийся игрушечный поезд сделал пару кругов, девочка воспользовалась моментом и тихонько взяла руку мальчика в свою, сжав её изо всех сил — от волнения её ладонь была очень горячей и липкой от пота. Возможно, именно поэтому Джерри внезапно вырвался и выбежал из лавки, не сказав ни слова ей на прощание. Малышка смотрела ему вслед со слезами на глазах, в то время как старый владелец что-то недовольно ворчал в адрес невоспитанного сына брокера. В итоге Делия вернулась в продуктовый магазин, где в это время Мириам Майрон, мать Джерома, спорила с её отцом по поводу того, что тот якобы позволяет своей дочери так просто брать и уводить чужих детей не пойми куда. При виде юной леди Йонс мать Джерри немного успокоилась и, даже не взглянув на девочку, взяла своего сына за руку и пошла домой, в то время как мистер Йонс начал тихо ругать Делию, которая молча смотрела вслед Джерри...

Но однажды случилось так, что золотоволосый объект её безответной любви сделал попытку ответить Делии взаимностью. Была середина сентября, когда его родители на несколько дней отвезли сына в свой летний коттедж, который, по счастливому стечению обстоятельств, находился недалеко от дома семьи Йонс. Джерри не стал уведомлять об этом свою одноклассницу, но Делия, случайно увидев его на местном рынке — где она в тот момент делала покупки со своей матерью, — с трудом скрывая свою радость, спросила мальчика о том, какими судьбами он здесь оказался. В тот момент Джерри, который, говоря по правде, изнывал от меланхолии в сельской местности (ибо он питал отвращение к природе, предпочитая жизнь в городе), решил немного скрасить своё одиночество и, не таясь от Делии, сообщил ей адрес,

где находился летний коттедж семьи Майрон, а также время, в которое он будет её ждать. Делия, узнав всё это, всю ночь не могла сомкнуть глаз, думая о том, как она встретится с Джерри в романтической обстановке. И вот, когда пришло время выходить из дома, чтобы прибыть в нужное время, она побежала туда без всякой задней мысли, почти светясь от счастья. Однако, когда девочка уже прибыла на место, в коттедже Майронов не было ни души — а всё дело заключалось в том, что хитрый Джерри, желавший посмеяться над наивной девочкой, специально назначил ей свидание именно в тот день и в тот час, когда он со своими родителями уже ехал в машине по дороге домой в центр.

Но Делия так и не узнала о том, что вся эта афера со свиданием была намеренно составлена так, чтобы закончиться ничем. Напротив, малышка вбила себе в голову навязчивую мысль, что в этом была её собственная вина, как будто она сама упустила свое счастье. Когда на следующий день отец привез её в школу, она встретила Джерри в коридоре перед уроком, подошла к нему и, опустив глаза, печально сказала ему «Мне очень жаль, прости меня...» Мальчик, ожидавший упрёков с её стороны, был немало удивлен её неожиданно кроткой реакцией, но, не показывая виду, он — ох, будущий сердцеед! — подыграл её состоянию, сказав «Это ты меня прости», после чего, делая вид, что вот-вот заплачет, побежал в класс.

В тот день Делия, не отвечая на приветствия своих подружек, просидела все уроки в одной и той же позе, и даже когда Чарльз Певек, бывший самым хулиганистым мальчик в её классе, вдохновился её подавленным состоянием и выхватил ручку у неё из рук, дабы выбросить её в мусорное ведро, то девочка осталась сидеть на месте, лишь подняв на хулигана свои красные от слез глаза. Молодой наследник семьи Певек был смущен этим и, постояв в нерешительности у мусорного бака, вернулся к Делии и молча положил её ручку рядом с её книгами...

Когда, находясь в гостях у мистера Тёрлоу, Делия поделилась с ним этой историей — разумеется, не зная об истинном положении дел со стороны Джерри, — её собеседник был несколько поражен тем, что эта девочка, вся натура которой, казалось, была наполнена энергией жизни, могла испытывать комплекс вины из-за какого-то сущего пустяка. Джо попытался успокоить девочку, прочитав ей стихотворение какого-то автора со странной фамилией Блок — кажется, в том стихе было что-то про гармонику и лютики, — но не успел он встать в позу, дабы начать чтение, как малышка, крикнув ему «Я выхожу из игры!», убежала к себе домой, не желая показывать соседу свои слезы, которые к тому времени уже наполняли её изнутри.

И ей, и Джо было грустно в тот день, только если её грусть была вызвана впечатлениями от неудавшегося свидания, то грусть её взрослого друга была вызвана её реакцией на его попытки как-то её успокоить. В течение двух дней Делия не ходила к своему соседу, находясь в подавленном состоянии, но на третий день девочка воспрянула духом и снова навестила мистера Тёрлоу, который, однако, в то время был увлечен чтением некоей книги, из-за чего его юной гостье показалось, что он не особенно доволен её визитом. Чтобы немного развлечь ребёнка, Джо сначала на её глазах сжег ту книгу, в которой, по правде говоря, не было ничего умного, а затем пригласил девочку сходить в гости к его другу Джафету, на что та без лишних слов согласилась.

Из квартиры на четвертом этаже, где жил коллега Джордана, молодая наследница семьи Йонс вынесла приятные воспоминания — во-первых, Джаф, умевший готовить по-настоящему (в отличие от мистера Тёрлоу, который лишь пытался ему подражать), устроил праздник для её желудка, ибо по прибытии он угостил её запеченной бараньей лопаткой а также тушеной фасолью на обратный путь. Во-вторых, Делия с большим удовольствием послушала сказку из старого сборника «Басни батюшки Лебеда», которую хозяин квартиры читал вслух, поскольку самой девочке было лень читать самой, и кроме того, ей просто нравилось сидеть в кабинете

Джафа и слушать его приятный голос, при этом не забывая комментировать услышанное. В самом начале этого литературного чтения девочка даже позволила себе возмутиться тем, что автор сказки не объяснил имя главной героини, на что Джафет ошеломил её ответом, суть которого заключалась в том, что её собственное имя означало вовсе не «неисчезаемая», как говорила ей с раннего детства мать, но было лишь названием острова, где, согласно древнегреческим мифам, родилась греческая богиня Артемида.

Узнав об этом, юная наследница семьи Йонс тогда почувствовала, как волна правды словно погасила огонь лжи, в чем она не замедлила признаться своим взрослым собеседникам. В ответ на её изречение мистер Тёрлоу с улыбкой сказал, что у неё хороший словарный запас, а в глазах Джафа, скрытых за толстыми стёклами его очков, вспыхнул какой-то лукавый огонек. Этот момент мог бы показаться девочке недостойным её внимания, если бы не то, что после того, когда Джафет закончил читать сказку и они втроем отправились есть фасоль, то за столом он ни с того ни с сего достал блокнот, куда по памяти записал её случайное замечание, слегка перефразировав его. Затем Делия поинтересовалась у Джафа, зачем ему это было нужно, на что получила ответ, что это было необходимо для его исследования американцев, носящих греческие имена. Малышка сочла это объяснение полной бессмыслицей и поэтому махнула рукой на это дело и, решив, что ей уже пора идти домой, пошла одеваться.

После ухода от Джафа между Делией и Джо произошёл странный инцидент, который не имел никакого объяснения. Дело было так — когда Делия и её взрослый спутник подошли к дому её семьи, то девочка, которая до этого тихо шла позади Джо, внезапно бросилась к нему и, схватив за руку, сильно потянула в сторону. Джордан, стараясь не упасть на землю, ухватился за забор свободной рукой, случайно вогнав в ладонь тонкую щепку. Маленькая девочка со смехом открыла калитку и исчезла во дворе, в то время как ошеломленный её поведением мистер Тёрлоу, пытаясь зубами вытащить занозу, попавшую ему в палец, слушал звуки её шагов, доносившиеся из-за забора. Когда входная дверь дома Йонсов наконец закрылась, он печально вздохнул и поднял голову вверх — в окне её комнаты свет ещё не зажигали...

— Надеюсь, вы не возражаете, — взял паузу заключенный, — если с этого момента я вернусь к подробному описанию событий, которые со мной происходили?

— Что ж, продолжайте, — инспектор Гэлбрайт понимающе кивнул Джордану.

На следующий день после того, как они с Делией вернулись от Джафета, Джо был разбужен телефонным звонком. Забыв о том, что нужно одеться и умыться, он, как и был в одних трусах, подошел к телефону и поднес трубку к уху. Звонила его соседка, миссис Йонс собственной персоной. Она, словно борясь с переполнявшим её чувством неудовлетворенности, уведомила мистера Тёрлоу о том, что, стирая нижнее бельё своей дочери, она заметила нечто странное, и поэтому во второй половине дня отвезёт девочку в город по делам. Затем она сделала короткую паузу, очевидно, ожидая ответа Джо, но тот ничего не смог найти в ответ на эти слова. Срывающимся голосом Иветта добавила, что мистеру Тёрлоу очень повезло, что её супруг и отец Делии в одном лице в это время находился на работе в центре. По окончании этой тирады внутренние органы Джо, казалось, были заполнены жидким азотом. Он чувствовал, что над ним, как над Дамоклом — фаворитом сиракузского тирана — повис острейший меч правосудия, который ежесекундно грозил упасть и разрубить его несчастную голову на две половины...

Он продолжал прижимать трубку к уху, хотя из неё доносились только гудки. Наконец, справившись с онемевшими конечностями, он уронил её рядом с телефонным аппаратом и, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног, сумел ухватиться руками за столешницу. В такой позе, отдаленно похожей на фигуру сына со знаменитой картины Рембрандта, Джо провел, по его собственным ощущениям, не менее двух часов, хотя это могло быть и не так. Затем он

встал и, почувствовав, что ему нужен свежий воздух, выбежал на улицу. Слава Богу, что ни один член семьи Йонс не попался ему на глаза в тот момент...

Стоя возле своей калитки и мотая своей головой из стороны в сторону, мистер Тёрлоу был убежден в том, что по этой земле всё еще можно ходить спокойно. И он, продолжая ощущать холод на своей спине, решил прогуляться до магазина. Нет, не ради шоппинга, но лишь с той целью, чтобы в обстановке, где много людей, попытаться избавиться от гнетущего ощущения одиночества, которое сковывало его душу. Стараясь не переходить на бег, Джо направился туда, где всё население района Паркроуз покупало товары первой необходимости. Дойдя до первых палаток, под которыми продавались свежие фрукты, он вдруг остановился на месте, услышал своё имя. Оказывается, две старушки, которые в это время покупали у торговки красные яблоки, вели между собой оживленный диалог. Мистер Тёрлоу попытался встать за навесом так, чтобы они не смогли его увидеть, и напряг слух.

— Знаешь, Патриция, у меня есть подозрение, что этот негодяй Джордан явно сотворил кое-что нехорошее с дочерью фармацевта, — шепча одними губами, проговорила пожилая женщина с белым платком на голове.

— Что заставляет тебя так думать, Эльзебет? — спросила её подруга, которая выглядела несколько моложе собеседницы.

— Потому что я только сегодня утром пересеклась с Иветтой, — воскликнула первая старушка, — и она была бледна как смерть!

— О, бедняжка... С чем это было связано?

— Она рассказала мне о том, что попросила свою дочку надеть новые панталоны и, когда брала её старое белье в стирку, заметила, что оно было красным от крови.

— Что, у ребёнка начались месячные? В восемь лет?

— Иветта не могла поверить своим глазам и, забыв о стирке, набросилась на девочку с вопросами. И та рассказала ей, что вчера была в гостях у неких дяди Джо и дяди Джафа.

— Двое убийцев... Боже мой... Они должны оба сидеть в тюрьме!

— Жена фармацевта придерживается того же мнения. Я с трудом убила Иветту пойти к врачу, прежде чем звонить в полицию.

— Так что же было дальше?

— После этого она отправилась домой. Может быть, она действительно послушалась меня, а может, не выдержала переживаний и натравила на ублюдков полицейских ищеек...

— Боже милостивый!

Патриция — пожилая леди, которая была помоложе — заметила прячущегося за столбом Джо и завопила, прервав свою собеседницу. Джордан немедленно так быстро, как только мог, помчался прочь от магазинов, слыша, как вслед ему летят слова «Мелкий, паршивый, жалкий чёрт!». «Ну всё», думал он, «прощай свобода...» И в то же время он задавал себе вопрос о том, что же, чёрт возьми, происходит. Он никогда не совершал никаких непристойных действий с Делией, избегал поцелуев и даже не обнимал её, и вот на тебе... «Здесь явно что-то не так», — думал он, находясь уже на полпути к своему дому.

Тем временем на небе начали собираться тучи. Не сбавляя скорости, мистер Тёрлоу взглянул на видневшуюся далеко впереди поляну, заросшую высокой травой. Был уже конец сентября, и теперь ранее зелёный океан растений был окрашен в оттенки желтого и оранжевого. Густые облака, которые уже всюду заполнили небо, создавали очень интересное сочетание.

И тут Джо вспомнил, на что походил расстилавшийся перед ним пейзаж — природа его родного посёлка была живым воплощением обложки той самой пластинки, которую он подарил своей молодой соседке ещё в августе... Он вспомнил её рассказ о том, как она подарила пластинку Джерри, и тот якобы ответил на её подарок лаконичным «Спасибо», но в глубине души Джо чувствовал, что Делия, рассказывая ему об этом случае, ограничивалась только первой половиной того, что произошло на самом деле — то-есть, она не лгала, но и не говорила всей правды.

Вернувшись мыслями к настоящему, Джо начал думать о том, что если он мог довериться словам этих двух старых сплетниц, то на допросе у своей матери Делия не стала порочить его и Джафета. Тем не менее для её почтенных родителей — в частности, для отца — один тот факт, что их маленькая дочь оказалась в компании двух взрослых мужчин в незнакомой квартире, был достаточной причиной для того, чтобы передать Джо в руки судебных мясников, которые пропустят его брэнное тело через ножи бюрократической мясорубки. Честно говоря, было бы лучше, если бы его убили прямо здесь на этом месте, чем подвергали таким пыткам — ибо смерть была явно желаннее такой псевдо-жизни...

Но даже произнося эти слова про себя, мистер Тёрлоу всё ещё боялся. Он боялся того, что разъярённый отец Делии раскроит ему череп своими мощными руками, и того, что под конвоем полиции его отведут в тёмные и сырые подземелья, где ему придется гнить до скончания веков. Неужели это действительно всё из-за какой-то девчонки, дочери ничтожного продавца лекарств? Не то чтобы это что-то решало в реальном положении дел, но Джо не мог не почувствовать, как судьба нанесла ему оскорбление — ведь его, дальнего родственника и потомка одной из самых влиятельных фигур бывшей (и крайне недолговечной) Ирландской Республики, собирались возвести на эшафот из-за дочери какого-то жалкого американского докторишки!

Когда Джо наконец подошел к своему дому, на землю уже начали падать первые капли дождя. Радуюсь тому, как точно ему удалось рассчитать время своей прогулки, мистер Тёрлоу, даже не потрудившись проверить, крепко ли он закрыл калитку, вошёл в дом и последовал на кухню. От чувства угрозы, которое всё ещё не хотело отступать от него, ему совсем не хотелось есть — вместо этого он начал искать бутылку с каким-нибудь крепким напитком, дабы заглушить свой страх алкоголем, пускай даже самым отвратительным, какой только можно себе вообразить. Увы, в его доме не нашлось ни капли этого вещества, если не считать пузырька, на дне которой было совсем немного чистого девяностопроцентного спирта для медицинских дел — это количество едва умещалось на чайной ложке, в которую Джо вытряхнул содержимое пузырька. Он положил чайную ложку с содержимым в рот и вдохнул. После этого в его горле возникло лёгкое жжение, а отвратительный горький вкус заставил его сморщить лицо, но увы, желаемого опьянения ему достичь не удалось.

Джордан начал сожалеть о том, что он не купил бутылку чего-нибудь крепкого в тот момент, когда выходил на прогулку. В любом случае, ему было суждено прожить на свободе дай Бог до завтрашнего утра, ибо предчувствие подсказывало ему, что этим дело не кончится, и возвращение мистера Йонса только ухудшит его и без того незавидное положение. Джо не знал, что с собой делать в это время. Ввиду отсутствия в доме спиртного он не мог даже напиться, а без подобного допинга ему совершенно не хотелось чем-либо заниматься — настолько сильно страх поедал его изнутри. Поэтому мистер Тёрлоу, постояв немного у окна

(за которым уже вовсю шёл дождь), задернул шторы и прошел в спальню, где, не раздеваясь, сразу же забрался под одеяло. Он заснул в тот момент, когда его голова коснулась подушки.

Ему снилось, что он, ещё совсем маленький мальчик, отправился со своим двоюродным дядей на охоту в лес. За ними бежала пегая собака какой-то охотничьей породы. Погода тем утром была облачной, но дождя пока не было, как и солнца, которое к тому моменту ещё не взошло. Джо спросил своего двоюродного дядю, почему они отправились в путь так рано. Взрослый мужчина посмотрел на мальчика и ответил что-то вроде «Утки еще не проснулись, сейчас их будет легче подстрелить». Маленький Джо хотел задать ещё один вопрос, но тут пегий пес, разразившись лаем, бросился вперед, в непроходимую чащу. Выражение самодовольства тут же исчезло с лица его дяди — его сменило напряженное выражение профессионального охотника, который уже почуял дичь и старается не вспугнуть её. Мужчина бросился вперёд вслед за своей собакой, держа охотничье ружье наготове. Мальчик, которого откровенно замедляли тяжелые кожаные ботинки, не мог так же быстро бежать за своим взрослым товарищем, поэтому маленький Джо, стараясь не поскользнуться на грязи, медленно направился за своим двоюродным дядей. И тут до его ушей донёсся оглушительный звук выстрела — его дядя стрелял куда-то в чащу, а его пегий пес дико визжал. Мальчик хотел было зажать уши, но руки, казалось, не слушались его. А его двоюродный дядя под аккомпанемент всё более истошного собачьего воя продолжал посылать выстрелы туда, в колючие ветви чащи...

Тут Джо проснулся и, вздрогнув, тут же поднял голову с подушек. Душераздирающие крики собаки продолжали звенеть у него в ушах, но это не были отголоски только что увиденного сна — звуки доносились с улицы. Мистер Тёрлоу, весь в поту, спустил ноги с кровати и, натянув тапочки, выбежал во двор. Дождь, начавшийся днем, к ночи уже превратился в настоящий ливень. Но Джо, который к этому моменту уже стоял на крыльце, не обращал внимания на сильные потоки воды, которые хлестали его по всему телу. Всё его внимание было занято дикой картиной, открывшейся перед его глазами — на пороге калитки, которая была распахнута настежь, стоял огромный мужчина с котелком на голове. В руках у него был пистолет, который он направил на бедного Буффало. Когда мистер Тёрлоу вышел на улицу, собака даже не скулила — ибо разъяренный мужчина выстрелил псу в горло целых пять раз. И когда он поднял голову от Буффало к Джо, то последний, продолжая стоять на крыльце своего дома, издал душераздирающий крик. Это был крик, в котором смешались страх, боль потери и дикая, всепоглощающая ненависть к тому, кто сейчас стоял у калитки...

Что произошло дальше, мистер Тёрлоу практически не помнил. Лишь фрагментами, словно в бредовом сне, остались в его памяти моменты того, как он тогда, уже насквозь промокший под дождем, бросился на убийцу своей собаки с голыми кулаками, как последний сильным ударом в грудь повалил Джо на землю рядом с мертвым Буффало и начал наносить ему мощные удары ногами с яростью дикого животного. Затем всё вокруг заискрилось синими и красными огнями, послышался вой сирен... Мистер Тёрлоу вспоминал, как его, покрытого грязью с ног до головы, схватили двое мужчин в полицейской форме и бросили, как мешок с мукой, в кузов грузовика...

И далее, уже не в темноте и не в грязи, но в просторном зале суда, Джо стоял и, опустив голову, слушал приговор, согласно которому ему суждено было провести долгих восемнадцать лет в колонии строгого режима. Глазами, которые, казалось, были затянuty пеленой, он оглядел собравшихся в этот момент людей. Не найдя среди них ту, из-за которой всё это было затеяно, его внимание было отвлечено криком его друга Джафета, который встал со своего места и, вытянув руку вперед — очевидно, указывая на одного из уважаемых участников судебного процесса — гневно продекламировал «Одни черти пожирают других чертей! Как здорово заниматься этим, когда у вас у всех нет человечности!», после чего он внезапно схватился за сердце другой рукой и молча упал на пол, а затем охранники схватили

недвижимого Джафа за руки, как мешок с картошкой, и потащили из зала суда...

— В любом случае, это всё, господин инспектор, — выдохнув, Джо завершил свое повествование, — вряд ли вас заинтересует то, как я начал отбывать срок в этих вонючих стенах.

— Ну, ну... — покачал головой Гэлбрайт.

Заклученный и полицейский молча сидели друг напротив друга. Мистер Тёрлоу, которому захотелось размять ноги после долгого сидения на неудобном стуле, собрался было встать, но тут его собеседник поднял руку.

— Подождите, Джордан Тёрлоу, наша встреча еще не закончена, — призвал ко вниманию инспектор.

— В чём дело, господин инспектор? — спросил его Джо таким тоном, каким маленький мальчик пытается добиться ответа от своего строгого отца на вопрос, почему он не может пойти погулять.

— Вы рассказали мне свою половину истории, а теперь я хочу поведать вам свою, — не скрывая торжественности, ответил ему Гэлбрайт.

— Что, неужели в этой семейке, по вине которой я тут гнию заживо, до сих пор происходят какие-то инциденты?

— Вы правильно уловили суть, Джордан, но давайте не будем забегать вперед, — сказал Гэлбрайт. — Садитесь поудобнее и слушайте.

И мистер Тёрлоу сел на жесткий деревянный стул. В нем загорелась искра любопытства. Ему вдруг стало очень интересно, что же именно расскажет ему этот волевой человек с военной выправкой. Кто знает, что, если... Джо старался думать о Делии как можно реже, но в этот момент её нежный и светлый облик воскрес перед его мысленным взором. Он, пытаясь справиться с охватившим его волнением, ответил своему собеседнику:

— Я весь во внимании, господин инспектор...

Когда инспектор, наконец, поведал заключенному свой длинный рассказ — начиная с инцидента с воришкой в продуктовом магазине и заканчивая своим последним разговором в кабинете господина главного инспектора Сеймура, Гэлбрайт вытер пот со лба и облизал пересохшие губы. Мистер Тёрлоу всё ещё сидел напротив него на своем неудобном деревянном стуле, сложив руки перед собой. Почувствовав на себе выжидающий взгляд господина инспектора, Джордан вздрогнул всем телом и поднес правую руку к своему мертвенно-бледному лицу.

— Что случилось, вы не очень хорошо себя чувствуете? — с сочувствием спросил Гэлбрайт.

Вытирая слезы с глаз, Джо шмыгнул носом и шумно вдохнул. Инспектору стало немного не по себе при виде плачущего преступника, и он невольно перевел взгляд на поверхность стола, за которым они сидели всё это время. В то же время он задавался вопросом, что в его рассказе могло так сильно расстроить этого двадцатилетнего мужчину.

— Делия... — донесся до его ушей шепот Джордана.

«Ну да», — подумал Гэлбрайт, — «это всё из-за девочки, той самой, из-за которой он угодил за решётку». С этой мыслью инспектор снова поднял голову, обращаясь к своему собеседнику.

— Я вижу, — начал он, — что некоторые части моего рассказа расстроили вас. Прошу простить меня, но это факты.

Произнося эти слова, инспектор мысленно упрекнул себя «Как ты, полицейский, опустился до того, чтобы извиняться перед преступником?»

— Правда глаза колет, я в курсе, — тихо пробормотал Джордан, сморкаясь в рукав, несмотря на то, что инспектор подарил ему свой носовой платок.

— Меня самого совершенно не устраивает такое положение дел, — продолжил Гэлбрайт, игнорируя действия собеседника, — но вы можете быть уверены...

Инспектор внезапно прервал свою речь — он подумал о том, что было бы очень странно, если бы он, полицейский, дал растлителю малолетних обещание привлечь к ответственности детоубийцу. Но первые же слова этой произнесённой речи возымели действие на его собеседника — Джо внезапно перестал шмыгать носом и устремил на Гэлбрайта красные и мокрые от слёз глаза.

— Вы сделаете всё, что в ваших силах? — сказал он с тоской. — Чтобы душа ребёнка была отомщена?

— Я удивляюсь на вас... — начал инспектор, но заключенный не дал ему договорить.

— Я хочу, чтобы Делия не чувствовала себя брошенной на том свете. Вы понимаете меня, инспектор?

В отчаянии выпалив эти слова, Джо уронил голову на руки — эта мольба явно истощила его. Гэлбрайт продолжал молча сидеть в своем кресле, не зная, что ответить своему собеседнику. Прошла минута, но Джордан не подавал признаков жизни, и Гэлбрайт подумал, что заключенный, вероятно, уснул. Инспектор встал из-за стола, собираясь покинуть комнату для допросов, но как только он сделал несколько шагов от стола, Джо внезапно разлепил веки и с тихим стоном схватился рукой за грудь.

Когда Гэлбрайт быстро подошёл к двери, которая находилась сразу за мистером Тёрлоу, и, распахнув её, то он столкнулся лицом к лицу с мрачным полицейским, державшим в руках резиновую дубинку — то был охранник, которому было поручено следить за происходящим. Инспектор тут же обратился к нему с приказом:

— Препроводите этого человека обратно в камеру!

Неуклюжий и пожилой мужчина бросил на инспектора какой-то насмешливый взгляд.

— Надеюсь, мистер не умер со скуки, выслушивая лживые оправдания этого мерзкого п... — начал было охранник.

— Пошути у меня тут! — инспектор погрозил ему пальцем и быстро покинул эту скучную и, что уж тут скрывать, на редкость унылую комнату.

Охранник, бормоча себе под нос «Какие же нервы нужно иметь, чтобы на протяжении нескольких часов выслушивать такое...», медленно подошел к стулу, на котором сидел мистер

Тёрлоу, и, слегка напрягшись, схватил его обеими руками за плечи. Джо, глаза которого лихорадочно вращались в орбитах, попытался инстинктивно сбросить схватившие его пальцы, но охранник с невероятной для его возраста и габаритов ловкостью оторвал заключенного от стула и повёл обратно в камеру.

Надзиратель, стоявший рядом с дверью, ведущей в камеру Джордана, открыл её для охранника, который втолкнул туда мистера Тёрлоу. Через пару мгновений тяжелая стальная дверь захлопнулась за ним, и звук тяжелых шагов обоих слуг правопорядка затих в коридоре. Теперь этот человек был надёжно отрезан от всего остального человечества. Но двадцатилетнего Джордана Тёрлоу больше не волновало то, что происходило в этом брэнном мире. Он лежал на полу в неудобной позе, тупо уставившись в стену. В его камере было невыносимо душно, поэтому Джо автоматически открыл рот пошире, чтобы вдохнуть хотя бы немного воздуха.

Мало-помалу Джо потерял представление о том, где он находится, как вдруг до его ушей донеслись весёлые детские крики. Он с трудом открыл свои глаза и остолбенел в немом изумлении — вокруг него открылся вид на поросший травой холмик. Над его головой сияло полуденное солнце, где-то весело пели птицы, а с ветвей абрикосового дерева, под которым он, собственно говоря, и находился, свисали спелые оранжевые плоды. Поднявшись на ноги, Джо медленно — как будто каждый шаг, который он делал, был для него невыносимым бременем — побрёл в ту сторону, откуда доносились возбужденные крики детей. Сделав несколько шагов вперёд, он невольно остановился. То, что он увидел, потрясло его до глубины души.

По хорошо протоптанной тропинке прямо к нему приближалась небольшая процессия из пяти человек. Впереди всех шла, широко расставляя длинные ноги в красных туфлях, молодая черноволосая женщина с причёской каре — кремовое вельветовое платье придавало всей её фигуре слегка напыщенную серьёзность, делая её похожей на учительницу начальных классов. За ней, словно выводок маленьких утят, шагали четверо детей — два мальчика и две девочки. Они были босиком, одетые в яркие платья, штанишки и рубашки. Детям, судя по их хорошеньким личикам, было от семи до десяти лет, не больше. Мальчики, шурясь от яркого солнца, держались немного позади, девочки, наоборот, старались вырваться вперёд и, весело переглядываясь друг с другом, постоянно пытались обогнать свою взрослую наставницу.

— Матушка Джоу, глянь, абрикосы! — раздался громкий, пронзительный голос.

Это крикнул мальчик помладше, шедший в самом конце процессии. Вытянув свою тонкую руку, он указал прямо на Джордана, стоявшего у дерева. Тот почувствовал себя немного неловко — ему было неловко, когда все дети начали бесстыдно смотреть на него. А тем временем женщина остановилась на дороге и, повернув голову в ту же сторону, куда смотрели дети, улыбнулась.

— Матушка Джоу, можно нам их съесть? — спросил другой голос, более мягкий.

Этот вопрос задала девочка в желтом платье. «Любопытно, Джоу — это сокращённо от Джозефин?» — подумал Джордан...

— Конечно, дети мои, — сказала черноволосая женщина и улыбнулась ещё шире. — Вы можете собирать эти фрукты сколько вашим душам будет угодно.

После её слов дети, все как один, бросились к дереву. Джо, дрожа всем телом, отступил назад.

— Но, пожалуйста, будьте благоразумны! — женщина, оставшаяся стоять на дороге, сделала серьёзное лицо и погрозила им пальцем.

Дети, не обратив никакого внимания на её предупреждение, подбежали к дереву и стали с криками подпрыгивать и срывать с веток оранжевые абрикосы, нисколько не беспокоясь о том, что неизвестный взрослый мужчина стоял буквально в двух шагах от них. Кажется, что это был первый раз, когда дети увидели такое плодоносящее дерево — с удивительным упорством и методичностью они собирали плоды прямо с ветвей. И вдруг Джордана осенило, что никто из этих пятерых — четверых несовершеннолетних и одного взрослого — просто не видит его!

— Вы наелись, дети мои? — пять минут спустя крикнула женщина, которая осталась стоять на некотором расстоянии от дерева.

Джордан подумала, что либо она просто не любила абрикосы, либо верила в то, что перед употреблением фрукты обязательно нужно мыть.

— Матушка Джоу, может быть, ещё немножечко? — капризным тоном попросил старший мальчик.

— Всё, пора в дорогу! — уже с ноткой приказа сказала женщина. — Нам предстоит очень долгий путь!

Дети перестали кричать. Они молча переглянулись между собой и с явной неохотой направились к дороге. Женщина терпеливо подождала, пока все четверо соберутся рядом с ней, а затем медленно пошла вперёд. На этот раз девочки еле тащились за ней, а мальчики шли впереди неё и тихо о чем-то спорили между собой. Джордан, всё ещё стоявший под абрикосовым деревом, с некоторой грустью смотрел вслед удаляющейся процессии. Он невольно почувствовал себя никчемным, никому не нужным человеком, которого никто никогда не вспомнит и — как он только что увидел — никто не заметит.

Размышляя об этом, Джордан вдруг заметил, что одна из девочек, шедшая последней, внезапно остановилась. Он подумал о том, что она, очевидно, хотела перевести дух, но когда она повернула к нему голову с чёрной челкой на лбу, он почувствовал, как бешено забилося его сердце, потому что этой девочкой была не кто иная, как сама Делия. Её бездонные глаза смотрели на него в упор. Она выглядела божественно в своем темно-синем платье. Девочка улыбнулась, как будто долго ждала этого момента, и начала медленно приближаться к дереву, под которым находился Джо.

Джордан не мог поверить своим глазам и подумал, что он видит перед собой галлюцинацию. Он неловко попятился и, уткнувшись спиной в ствол абрикосового дерева, сполз по нему на землю. Маленькой девочке, очевидно, это показалось забавным, потому что она рассмеялась и протянула руку вперёд. Джордан несколько секунд нерешительно сидел под деревом, а затем, покраснев, взял Делию за руку и робко улыбнулся малышке.

Стоит заметить, что они никогда не позволяли себе объятий, поцелуев или любого другого способа выражения любви, требующего физического контакта. Их чувства друг к другу можно было бы назвать молчаливой эмоциональной привязанностью или же самой банальной симпатией. Сейчас, когда Делия стояла перед Джорданом, сидящим на лужайке, ему многое хотелось ей сказать. Например, сделать ей комплимент о том, что она стала ещё красивее... Спросить о том, не обижает ли её кто-нибудь... Извиниться перед ней за долгую разлуку... В конце концов, просто поинтересоваться, рада ли она его видеть... Но Джордан Тёрлоу все еще не мог подобрать нужных слов.

Всё ещё держа её нежную руку в своей грубой ладони, он проглотил вставший в горле комок и, стараясь, чтобы голос не дрожал от охватившего его волнения, почти прошептал слово, только

одно слово:

— Милая... — на его губах появилось подобие улыбки.

В ответ на это слово пухлые щёчки Делии вспыхнули румянцем. Она отпустила его руку и несколько застенчиво улыбнулась ему. «Идеал человечества», — подумал Джордан, — «или, точнее, женственности». Насколько он мог понять, ей было уже целых десять лет и четыре месяца от роду. Он почувствовал что-то вроде раскаяния за то, что два года назад так бесцеремонно вторгся в её маленький уютный мирок, но он ничего не мог поделать — ведь прошлого не вернуть...

— Я знаю. Я помню, — неожиданно тихо произнесла Делия.

Джордану показалось, что её голос странным образом изменился, но это могло ему только показаться — в конце концов, он давно её не видел. И всё же, услышав это «Я помню», он почувствовал, как у него сжалось сердце. «Неудивительно, что когда говорит такой идеал добродетели, то у меня по коже бегут мурашки», — подумал Джордан, не сводя с неё глаз.

— Дядя Джо, никаких неприятностей не будет, — совершенно четко произнесла Делия, — я обещаю, — добавила она.

Он хотел спросить её о том, «Неприятностей какого рода не будет?», но девочка не дала ему такой возможности, потому что в следующую секунду из глаз Делии потекли слёзы, после чего она внезапно бросилась к взрослому мужчине и обхватила его своими тонкими руками. Джордан, забыв обо всем на свете, схватил Делию за плечи и, прижимая малышку к себе, начал гладить её по голове. Тело маленькой девочки, сотрясавшееся от рыданий, излучало слабое тепло...

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539639>